

ГРЕГОРИ ТЕРНЕР

КОГДА ПРАВДА СТАНОВИТСЯ ЕРЕСЬЮ

СЕТЬ

ИНКВИЗИТОРОВ

18+

Грегори Тернер
Сеть инквизиторов

«Автор»

2026

Тернер Г.

Сеть инквизиторов / Г. Тернер — «Автор», 2026

После гибели сестры журналист Максим Неверов берётся за расследование медийной травли и выходит на сеть экспертов, чиновников и НПО, превращающих страх в оружие. Чем ближе он к правде, тем опаснее становится его собственная жизнь. «Сеть инквизиторов» — триллер о цене правды, цифровой диктатуре и людях, которых общество заранее назначило врагами.

Грегори Тернер

Сеть инквизиторов

Настоящее издание является художественным произведением. Все имена, персонажи, события, организации, компании и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла. Любое сходство с реальными лицами, действующими или прекратившими деятельность организациями, компаниями, а также с реальными событиями и обстоятельствами носит исключительно случайный и непреднамеренный характер.

Пролог

Прошло уже много времени, но Максим до сих пор ловил себя на мысли, что если резко открыть дверь, он увидит Софию сидящей на подоконнике с ногами, уткнувшейся в экран старого ноутбука.

Но подоконник был пуст. На нём сиротливо стоял засохший фикус, который никто не догадался полить.

Максим присел на край кровати. Пружины тихо скрипнули, нарушив звенящую тишину квартиры. В руках он держал её дневник — обычную общую тетрадь в клетку с потёртой картонной обложкой. София никогда не вела блогов, не делилась личным в сети, предпочитая старый проверенный способ доверять мысли бумаге. Наверное, это её и погубило. Она оказалась слишком хрупкой для того цифрового шторма, который на неё обрушился.

Он открыл случайную страницу, датированную августом того года.

«Они звонили маме на работу. Сказали, что я состою в деструктивной группе, которая готовит массовое отравление. Мама плакала весь вечер, требовала, чтобы я показала руки — искала следы укусов. Господи, мы просто читали книги по восточной философии и пили чай на травах. Почему они делают из нас чудовищ?»

Максим закрыл глаза. Перед его мысленным взором встали кадры из регионального телесюжета, который он пересматривал сотни раз. Дёрганая съёмка скрытой камерой, наложенная тревожная музыка, напоминающая саундтрек к дешёвому триллеру. И закадровый голос диктора, сочащийся фальшивой тревогой: *«В самом центре нашего города раскинула свои сети опасная тоталитарная организация. Под видом безобидных лекций по саморазвитию псевдогугу ломают психику нашей молодёжи...»*

В кадре на долю секунды мелькнуло лицо Софии — испуганное, застигнутое врасплох на выходе из арендованного зала. Её не замазали, не скрыли. Напротив, её профиль крупным планом сопроводили титром: «Адепт секты».

После этого её жизнь превратилась в ад. Однокурсники перестали здороваться. В личные сообщения посыпались угрозы и оскорбления от незнакомых людей, называвших себя «борцами за чистоту веры». На дверях их квартиры кто-то вывел краской из баллончика: «Здесь живут сектанты».

Максим тогда работал в крупном издании, писал о бюджетных распилах и чувствовал себя хозяином жизни. Он был уверен, что сможет защитить сестру. Он приехал в офис того самого «центра помощи жертвам культов», который инициировал сюжет. Его встретил вежливый молодой человек в строгом костюме, который с улыбкой протянул ему пачку бумаг.

— Мы действуем исключительно в рамках закона, — сказал тогда активист. — Вот экспертное заключение. Ваша сестра посещала группу, имеющую все признаки деструктивного культа. Мы спасаем её душу. И общество.

Экспертиза была подписана уважаемым профессором, доктором наук. В ней использовались сложные термины: «психологическое насилие», «деформация личности», «разрушение традиционных ценностей». Против этой бумажки с синей печатью журналистские удостове-

ния Максима оказались бессильны. Полиция отказала в возбуждении дела о клевете, сославшись на «авторитетное мнение специалистов».

А через две недели Софии не стало. Она просто не проснулась, оставив на тумбочке пустую упаковку от снотворного и короткую записку: «*Я больше не могу быть для вас обузой. Простите*».

Максим не смог доказать связь между травлей и её смертью. Следователь лишь развёл руками: «Психологическое давление в интернете сложно квалифицировать как доведение до самоубийства. Да и эксперты говорят, что она уже была психологически нестабильна из-за влияния этой вашей группы».

С тех пор прошло семь лет. Максим ушёл из официальной прессы, создал свой независимый канал, набрал миллионную аудиторию. Он научился находить скрытые финансовые потоки, разоблачать заказные кампании и выводить на чистую воду коррумпированных чиновников. Но глубоко внутри него продолжала гореть холодная, не утихающая ярость. Он знал, что система, уничтожившая его сестру, никуда не делась. Она лишь стала более изощрённой, технологичной и масштабной.

И теперь, глядя на экран своего монитора, где разворачивалась новая медийная драма вокруг «Саентологов», Максим видел те же самые маркеры. Тот же почерк. Те же лица в телевизионных студиях. Те же эксперты, подписывающие приговоры без суда и следствия.

Он положил дневник Софии в рюкзак. Это расследование больше не было просто работой. Это был его личный долг. И он собирался отдать его до конца, чего бы ему это ни стоило.

Глава 1. Эхокамера

Звук телевизионного эфира резал слух даже через плотные амбушюры профессиональных наушников. Максим Неверов зажмурился, потёр виски и нажал на пробел. Кадр на левом мониторе застыл.

На экране крупным планом красовалось лицо заплаканной женщины средних лет. Снизу плыла ярко-красная плашка: «*Исповедь жертвы: как у меня отобрали сына*». За её спиной на заднем плане виднелся размытый, но узнаваемый силуэт здания на Таганке, где могло располагаться одно из помещений, связанных с саентологами. Музыкальное сопровождение — тревожное, низкое гудение, переходящее в металлический скрежет, — было призвано вызвать у зрителя подсознательное чувство надвигающейся катастрофы.

Максим снял наушники и откинулся на спинку кресла. В его полутёмной студии, заставленной штативами, осветительными приборами и коробками с кабелями, царила тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом кулеров мощного системного блока. На часах было три часа ночи.

Он занимался этим анализом уже вторую неделю, с тех самых пор, как в информационном пространстве плотной прорвало тему «борьбы с деструктивным влиянием». Сначала это казалось обычным сезонным обострением региональных новостей, но масштаб, с которым кампания развернулась теперь, заставил Максима насторожиться.

Телевидение снова использовалось как главный, таранный инструмент для создания первичной общественной паники. Это была классическая схема дегуманизации целевой группы. Зрителю не предлагали разобраться в сути учения или юридических тонкостях деятельности организации. Вместо этого его погружали в поток чистой, нефильрованной эмоции: страха, отвращения и праведного гнева.

Максим открыл на правом мониторе текстовый редактор, где вел рабочую таблицу. В ней были выписаны заголовки статей, цитаты из телепередач и даты публикаций за последние четырнадцать дней. Он выделил несколько строк жёлтым маркером.

— Одинаковые речевые модули, — тихо произнес он вслух.

Это было самым поразительным. В материалах абсолютно разных СМИ — от федерального телеканала до небольшого интернет-издания в Екатеринбурге и официального портала

городской администрации в Нижнем Новгороде — использовались идентичные термины и речевые обороты.

«Разрушение ментального суверенитета», «деформация ценностной матрицы», «психологическое насилие под видом личностного роста», «угроза национальной безопасности».

Эти словосочетания кочевали из текста в текст без изменений, словно авторы копировали их из одного и того же файла. Журналисты, никогда не специализировавшиеся на религиозной тематике, вдруг заговорили на одном и том же специфическом, псевдонаучном языке. Для Максима, как для профессионального расследователя, это был неопровержимый маркер: кампания координировалась из единого центра. Кто-то разослал по редакциям готовые методички, определив не только вектор атаки, но и конкретные слова, которыми эту атаку следовало вести.

Он вспомнил цитату известного социолога религии, профессора Массимо Интровинье, которую недавно выписал из его исследования о природе общественной нетерпимости:

«Когда религиозные экстремисты начинают работать, мы видим движение, которое кажется очень медленным, и, возможно, нас это не слишком беспокоит, потому что “ладно, они опубликовали пару статей в СМИ, сняли фильм, сделали мультфильм — ничего страшного”. Но нет. Нетерпимость опасна не из-за того, чем она является сегодня, а из-за того, к чему она приведёт завтра».

Максим закрыл глаза, и перед его мысленным взором снова, в сотый раз за эти годы, возникло лицо сестры. София. Семь лет назад её уничтожили точно так же. Те же самые речевые модули, те же тревожные сюжеты на местном телевидении, те же обвинения в «разрушении личности». Тогда он, успешный журналист крупного холдинга, верил в силу закона и логики. Он принёс в полицию опровержения, показал, что группа, которую посещала София, занималась лишь безобидным изучением восточной философии. Но против них играла отлаженная машина, вооруженная «экспертными заключениями» и общественным мнением, которое уже вынесло свой приговор. Софию превратили в изгоя. Её уход был тихим, но для Максима он стал личной катастрофой, разделившей жизнь на «до» и «после».

С тех пор он дал себе слово: никогда не проходить мимо кампаний общественной стигматизации. И сейчас, глядя на то, как методично и безжалостно закатывают в асфальт саентологов, он видел ту же самую технологию.

Главным приёмом, который Максим фиксировал в каждом втором материале, был метод «вины по ассоциации». Это манипулятивная техника, позволяющая связать мирное, действующее в рамках закона движение с криминальными или экстремистскими структурами без каких-либо судебных решений. В статьях о московских саентологах авторы мимоходом, через запятую, упоминали террористические акты, финансовые пирамиды девяностых и массовые самоубийства в закрытых коммунах за рубежом. У читателя создавалась устойчивая нейронная связь: «саентолог» равно «преступник», «террорист», «убийца». И для этого не требовалось ни одного решения суда — достаточно было просто поставить эти слова в один абзац.

Максим открыл архивную папку на жестком диске. Ему нужно было освежить в памяти, как именно эта система легализует свои обвинения через судебную систему. Он наткнулся на старое дело, которое подробно изучал несколько лет назад — дело Елены Брессем, датированное 2011 годом.

Этот микро-кейс идеально иллюстрировал механику работы антикультуовой сети. Бывший муж Елены, желая отобрать у неё ребенка и лишиться её родительских прав, обратился в местное отделение РАЦИРС — организации, возглавляемой Александром Дворкиным. Адвокат Александр Корелов, представлявший интересы мужа, инициировал создание «экспертного заключения». Эту бумагу подготовил Алексей Воат, ученик Дворкина. В ней утверждалось, что Елена психически нестабильна и подвергается деструктивному воздействию, поскольку увлекается йогой и якобы связана с «опасной сектой». В качестве научных доказательств к

делу были приобщены брошюры с сектоведческих конференций, организованных самими же авторами экспертизы.

Елена Брессем проявила редкое мужество. Она не стала оправдываться, а направила официальный запрос в Москву, в одну из экспертных организаций, способных дать независимую оценку методикам такого заключения. Ответ федеральных специалистов был однозначным: проведенные тесты и выводы «экспертов» не соответствуют никаким научным стандартам и методикам судебной экспертизы. Суд принял эти доводы и отклонил сфабрикованное заключение. Но сколько было тех, у кого не хватило сил, денег или юридической грамотности, чтобы опспорить подобные «бумажки с синей печатью»?

Максим записал в блокнот: *«Дело Брессем — классический пример коммерческого использования антикультурной экспертизы для решения частных конфликтов. Шаблон отработан»*.

Теперь этот шаблон масштабировался на федеральный уровень. И лицом этого процесса стала Юлия Сергеевна Осипова.

Максим шёл по коридорам «Останкино» за администратором — молодой девушкой с рацией на поясе, которая вела его в Studio 3 на запись общественно-политического ток-шоу «Точка зрения».

Ему стоило немалых усилий получить этот пропуск. Официально его канал считался «независимым блогом», что в глазах телевизионного руководства приравнивалось к маргинальщине. Но старые связи в холдинге помогли: бывший коллега, ныне работающий шеф-редактором программы, выписал ему гостевую аккредитацию в сектор прессы.

— Проходите, присаживайтесь на второй ряд, — бросила администратор, указывая на трибуну. — Во время эфира телефоны на беззвучный режим. Не вставать, не выкрикивать. Когда режиссер поднимет руки — аплодируем.

Максим сел на жесткое пластиковое сиденье. Студия была огромной и напоминала амфитеатр, залитый холодным синим светом прожекторов. В центре возвышался круглый подиум с хромированными стойками для микрофонов. На трибунах уже сидели зрители — в основном пенсионеры и студенты, набранные за небольшую плату для создания массовки. Они выглядели уставшими, но послушно выполняли команды молодого парня-ассистента, который разминал их перед началом записи.

— Давайте порепетируем праведный гнев! — кричал парень в микрофон. — Представьте, что вам только что сказали, что ваши налоги пойдут на содержание зарубежных фондов! У-у-у-у! Громче, громче! Отлично. А теперь аплодисменты герою! Молодцы.

Максим наблюдал за этим балаганом с тяжелым чувством. Здесь, в этой технологичной лаборатории эмоций, ковалось то, что потом назовут «волей народа».

Свет в студии внезапно изменился — синий сменился тревожным багрово-красным. Заиграла та самая музыка, которую Максим слышал в новостных сюжетах. На подиум вышел ведущий — холеный мужчина средних лет с идеально уложенными волосами и лицом, выражающим глубокую скорбь за судьбу отечества.

— В эфире «Точка зрения», и сегодня мы сорвем маски с тех, кто годами разрушает наше общество изнутри, — начал он хорошо поставленным баритоном. — Мы поговорим об одной деструктивной организации. О тех, кто под видом безобидных курсов лидерства и психологической помощи выкачивает миллионы из карманов наших граждан и передает их своим зарубежным кураторам.

На огромном экране за спиной ведущего замелькали кадры скрытой съемки: люди, заходящие в офисное здание, какие-то приборы с проводами, папки с документами. Все это подавалось под соусом шпионского триллера.

— Сегодня у нас в студии человек, который прошел через этот ад, — продолжил ведущий. — Дмитрий, расскажите, как вы потеряли все.

На подиум вышел бледный молодой человек. Он говорил тихо, запинаясь, но его речь была удивительно гладкой с точки зрения терминологии. Он рассказывал, как пришел на курсы улучшения памяти, как его заставили пройти «очищение», как он продал квартиру, чтобы оплатить следующие уровни обучения.

Максим внимательно вслушивался в его слова. Дмитрий использовал те же речевые модули, что и в статьях: *«полное подавление воли»*, *«систематическое разрушение семейных связей»*. Было очевидно, что с парнем поработали психологи или юристы антикультового центра перед тем, как выпустить его под софиты. Это был классический метод создания «фейковой жертвы» или, как минимум, жесткой подгонки реальной истории под нужный формат.

— Но как такое возможно в нашей стране? — театрально воскликнул ведущий. — Почему закон молчит? На этот вопрос нам ответит наш главный гость. Известный судебный эксперт, кандидат наук, человек, который лично исследовал сотни подобных дел — Юлия Осипова!

Аплодисменты массовки, подогретые взмахом руки ассистента, заглушили музыку.

На подиум вышла женщина лет сорока пяти. Максим подался вперед, вглядываясь в её лицо. Юлия Осипова не была похожа на фанатичного борца с сектами. На ней был строгий, отлично скроенный темно-синий брючный костюм, минимум украшений, аккуратная стрижка. Её лицо выражало спокойную, уверенную компетентность. В ней не было агрессии — скорее, глубокая, почти материнская забота, подкрепленная академическим статусом.

— Здравствуйте, — тихо, но отчетливо произнесла она, дождавшись, пока стихнут аплодисменты. — Спасибо, что поднимаете эту тему. Это действительно трагедия, которая касается каждого из нас.

— Юлия Сергеевна, — обратился к ней ведущий. — Вы проводили экспертизу материалов этой организации. Что вы там обнаружили? Это действительно религия, как они утверждают, или что-то другое?

Осипова мягко улыбнулась. Этот жест мгновенно расположил к ней аудиторию.

— Знаете, называть это религией — значит оскорблять чувства миллиардов верующих по всему миру, — спокойно начала она. — Моя задача как судебного эксперта — смотреть на факты и защищать наше общество, наши семьи от разрушительного влияния. То, что мы видим в материалах саентологов — это не вероучение. Это высокотехнологичная система психологического манипулирования, направленная на деформацию личности и установление полного контроля над поведением человека.

Она говорила уверенно, оперируя сложными терминами, которые в её устах звучали просто и убедительно. Она позиционировала себя не как карателя, а как защитницу традиционных ценностей и семей, которые оказались беззащитны перед лицом «международной угрозы».

— Мы должны понимать, — продолжала Осипова, — что эти структуры действуют крайне изощренно. Они прикрываются свободой совести, Конституцией, но их реальная цель — разрушение ментального суверенитета наших граждан. Они забирают людей из семей. Ко мне на консультации приходят десятки матерей, чьи дети перестали с ними общаться после того, как попали в эти центры. Это прерывание семейных связей, это уничтожение наших традиционных устоев. Если государство не остановит эти культы — они уничтожат людей раньше, чем мы успеем понять, что произошло.

Максим быстро записывал её слова в блокнот. Он видел, как профессионально она использует метод «вины по ассоциации».

— Мы же помним трагедию в Джонстауне, — как бы между прочим произнесла Осипова, глядя прямо в камеру. — Там тоже все начиналось с красивых слов о помощи и равенстве. А закончилось массовой гибелью сотен людей в джунглях Гайаны. Деструктивные культы всегда развиваются по одному сценарию. И саентология — это лишь более современная, технологичная версия того же самого механизма.

Это был сильный ход. Связать московских интеллигентов, читающих книги Рона Хаббарда в арендованном офисе, с трагедией тридцатилетней давности, произошедшей на другом конце света в условиях тоталитарной коммуны. Никакой юридической или фактической связи между этими событиями не существовало. Но для обывателя, сидящего у экрана, мозаика сложилась. Страх был запущен.

— Но ведь они утверждают, что действуют законно, — вставил ведущий.

— Закон часто не поспевает за новыми технологиями манипуляции, — парировала Осипова. — Именно поэтому так важна роль экспертного сообщества. Мы должны давать упреждающую оценку. Мои заключения строятся на глубоком анализе текстов и практик. И я с полной ответственностью заявляю: эта деятельность имеет все признаки экстремистской, направленной на возбуждение ненависти к тем, кто не входит в их число.

Максим смотрел на лица зрителей в студии. Они кивали. На лице одной пожилой женщины в первом ряду застыло выражение искреннего ужаса. Дегуманизация сработала. Саентологи в этой студии перестали быть людьми, гражданами своей страны, имеющими право на собственное мнение и веру. Они стали «адептами», «носителями ментального вируса», угрозой, которую необходимо изолировать и уничтожить ради спасения общества.

Запись продолжалась еще около часа. После Осиповой выступали общественные деятели, какой-то депутат, призывавший «выжечь эту заразу каленым железом», и православный священник, говоривший о «чистоте веры». Но все они лишь развивали тезисы, заданные Юлией. Она была интеллектуальным и научным стержнем этого процесса, легализующим эмоции политиков и страхи обывателей.

Когда режиссер наконец объявил об окончании записи и софиты начали гаснуть, Максим быстро поднялся со своего места. Он должен был поговорить с ней.

Он спустился по трибуне, лавируя между расходящимися зрителями массовой, и направился к подиуму. Осипова стояла около режиссерского пульта, о чем-то тихо разговаривая с ведущим программы. Тот улыбался и согласно кивал.

— Юлия Сергеевна! — позвал Максим, подойдя ближе.

Она повернулась. Её взгляд, только что бывший мягким и сочувствующим на экране, мгновенно стал холодным и оценивающим. Она окинула Максима быстрым взглядом, задержавшись на его журналистском бейдже.

— Да? Слушаю вас, — спокойно ответила она.

— Максим Неверов, независимый исследователь, автор канала «Неверов. Факты», — представился он. — У меня к вам несколько вопросов по поводу вашей экспертизы, которую вы сегодня цитировали.

Ведущий программы нахмурился и хотел было что-то сказать, но Осипова мягко остановила его жестом руки.

— Ах, господин Неверов, — на её губах появилась едва заметная, ироничная улыбка. — Я знаю ваш канал. Вы ведь специализируетесь на... разоблачениях? И, кажется, в последнее время проявляете странный интерес к защите деструктивных организаций?

— Я специализируюсь на поиске фактов, Юлия Сергеевна, — твердо сказал Максим. — В своем выступлении вы упомянули, что деятельность саентологов направлена на разрушение семей и имеет экстремистский характер. Но насколько мне известно, на данный момент нет ни одного вступившего в силу судебного решения, подтверждающего эти обвинения. Вы используете метод вины по ассоциации, связывая их с Джонстауном. Не кажется ли вам, что это сознательное манипулирование общественным мнением?

Осипова вздохнула, словно учительница, которой ленивый ученик задал глупый вопрос. Она сделала шаг навстречу Максиму, и он почувствовал тонкий аромат дорогого парфюма.

— Максим, вы молоды и, наверное, искренне верите в то, что мир устроен просто, — тихо, но веско произнесла она. — Вы говорите о юридической казуистике. О решениях судов.

Но пока наша неповоротливая государственная машина будет собирать бумажки и проводить заседания, эти люди разрушат еще сотни жизней. Моя задача как эксперта — увидеть опасность до того, как она станет необратимой. Превентивная защита. Если хотите, это социальная гигиена.

— Социальная гигиена? — Максим почувствовал, как внутри него начинает закипать ярость, но заставил себя сохранить спокойный тон. — Семь лет назад в рамках такой же «гигиены» на региональном телевидении уничтожили мою младшую сестру. Её группа тоже была названа «деструктивным культом» на основании экспертизы такого же специалиста, как вы. Через две недели она покончила с собой. Суд потом признал, что в действиях группы не было состава преступления. Но сестру это не вернуло.

На мгновение в глазах Осиповой мелькнуло что-то похожее на удивление, но она быстро взяла себя в руки. Её лицо снова стало непроницаемой маской профессиональной уверенности.

— Мне искренне жаль вашу сестру, Максим. Это трагедия, — тихо сказала она. — Но вы делаете неверные выводы. Её гибель — это как раз доказательство того, насколько опасны эти группы. Они ломают психику людей, делают их нестабильными, а когда человек не выдерживает — обвиняют во всем общество. Вы защищаете тех, кто убил вашу сестру, сами того не понимая.

— Её убила не группа, Юлия Сергеевна. Её убила травля, которую вы и ваши коллеги легализуете своими подписями под заказными экспертизами, — Максим смотрел ей прямо в глаза.

Осипова покачала головой. В её взгляде больше не было иронии — только холодная убежденность человека, который верит, что вершит правое дело.

— Вы ошибаетесь, Максим. Я защищаю людей. И если для того, чтобы спасти тысячи семей, мне нужно поставить свою подпись под заключением, которое закроет очередную деструктивную лавочку — я сделаю это без колебаний. Общественное мнение — это тоже оружие. И иногда оно эффективнее уголовного кодекса. Всего доброго.

Она повернулась и пошла к выходу из студии. Ведущий программы бросил на Максима неприязненный взгляд и последовал за ней.

Максим остался стоять на подиуме. Рабочие студии уже начали выключать прожекторы, и багровый свет медленно уступал место серой полутьме. В пустом зале эхом отдавались шаги уходящих людей.

Он вытащил из кармана телефон, разблокировал экран и открыл список контактов. Найдя нужный номер, он нажал кнопку вызова. Трубку сняли после первого же гудка.

— Да, Макс, — раздался в динамике хриплый, прокуренный голос Артема Левицкого.

— Артем, привет, — Максим пошел к выходу из студии, стараясь говорить тихо. — Мне нужны все экспертные заключения Юлии Осиповой за последние три года. Все, что она писала по религиозным организациям, особенно по саентологам. И найди мне контакты её бывших коллег или тех, кто с ней судился. Нам нужно понять, на чем строится её методология.

— Сделаю, — коротко ответил Левицкий. — Что-то случилось на записи?

Максим остановился у тяжелой звукоизолирующей двери, ведущей в коридор Останкино. Он обернулся и посмотрел на темную, пустую сцену, где еще полчаса назад разыгрывался спектакль, ломающий человеческие судьбы.

— Она искренне верит в то, что делает, Артем, — тихо сказал Максим. — И это самое страшное. Она не берет взятки за то, чтобы уничтожать людей. Она думает, что спасает мир. С такими воевать сложнее всего.

Он нажал отбой, толкнул тяжелую дверь и вышел в длинный, тускло освещенный коридор телецентра. Расследование, которое должно было стать просто очередной журналистской работой, окончательно превращалось в его личную войну.

Глава 2. Печать эксперта

На рабочем столе Максима Неверова ровными стопками лежали распечатки. Сотни страниц плотной бумаги, скрепленные металлическими зажимами, пахли свежим тонером и канцелярским клеем. Это были официальные экспертные заключения по делу «Саентологов», подписанные Юлией Осиповой и её коллегами из различных региональных центров. Рядом, на отдельном листе, Максим выписывал термины, которые эксперты использовали для обоснования своих выводов.

При ближайшем рассмотрении академический лоск этих документов начинал стремительно осыпаться. Вместо строгой научной методологии, принятой в классическом религиоведении или судебной психологии, со страниц сквозила откровенная публицистика, густо замешанная на манипулятивных техниках.

Максим взял маркер и подчеркнул очередную фразу в заключении Осиповой: *«...применение деструктивных психотехник ведет к необратимой деформации ценностной матрицы субъекта, что ставит под угрозу его ментальный суверенитет»*.

— «Ментальный суверенитет», — негромко произнес Максим, покачав головой. — В каком авторитетном учебнике по психологии или психиатрии есть такое понятие? Ни в одном.

Это была чистая псевдонаука. Использование звучных, но абсолютно пустых с научной точки зрения терминов служило лишь одной цели — создать у судьи иллюзию доказанности вины. Судья, не обладающий специальными знаниями в области психологии религии, видел перед собой текст, перенасыщенный сложными формулировками и подписанный кандидатом наук. Для правосудия этого оказывалось достаточно. Словосочетания, лишённые реального содержания, превращались в юридические факты, на основании которых закрывали организации и ломали человеческие судьбы.

Максим откинулся на спинку стула и открыл на ноутбуке архив судебных дел. Ему нужно было понять, насколько глубоко эта практика укоренилась в системе. То, что он обнаружил, пугало своей обыденностью. Шаблон, который сейчас применялся против саентологов, годами обкатывался на менее заметных мишенях.

В его руках оказались материалы дела пятилетней давности из небольшого сибирского городка. Местный благотворительный фонд, помогавший детям-сиротам, и йога-центр, арендовавший зал в местном ДК, были закрыты практически одновременно. Причина — экспертное заключение, подготовленное неким «Центром культурологических исследований». Максим проверил эту организацию по единому государственному реестру юридических лиц. Выяснилось, что под громким названием скрывалась типичная фирма-однодневка, зарегистрированная в обычной жилой квартире. В штате числился один человек — он же учредитель, директор и единственный «эксперт». У этой структуры не было ни оборотов, ни научного совета, ни публикаций в рецензируемых журналах. Но её заключения исправно принимались местными судами и ложились в основу обвинительных приговоров.

В этих архивных делах прослеживалась четкая связь между экспертными центрами и государственными структурами. Заказы на проведение экспертиз поступали, как правило, от региональных администраций или силовых ведомств. Формальным поводом всегда выступала «защита национальной безопасности» или «профилактика экстремизма». Под этим удобным предлогом государственные органы фактически нанимали лояльных специалистов для легализации уже принятых политических или административных решений.

Максим вспомнил, что подобный «интеллектуальный подлог» — это не новая изобретенная технология, а старый, проверенный метод антикультивистов. Он открыл папку с материалами по делу московских саентологов за 2015 год и нашел стенограмму заседания Измайловского районного суда Москвы от 23 июня 2015 года. Тогда защита поймала эксперта Ларису Астахову на прямой фальсификации первоисточников. Максим перечитал заявление адвоката, зафиксированное на видеозаписи судебного заседания:

«Экспертом произведён интеллектуальный подлог тех объектов, которые она исследовала. Мы полагаем, что только с прямым умыслом можно указать в экспертизе цитату, которая якобы принадлежит автору Рону Хаббарду, и которой в действительности там, где указывает эксперт, либо где-то ещё, просто нет. Имею ввиду цитату на стр.15 заключения эксперта, которая якобы содержится на странице 5 книги Рона Хаббарда “Введение в саентологическую этику”, из которой эксперт выводит, ни много ни мало, какова основная цель саентологов. Так вот, мы просмотрели эту книгу — ни на странице 5, ни на любой другой странице у Р.Хаббарда этой цитаты нет. Эксперт её в данном случае, не знаю, выдумала или не выдумала, но она приписала автору то, чего у него нет. Иными словами, я полагаю, что она совершила интеллектуальный подлог. Это все равно, что если бы оценивая от чего умер человек, она бы капнула туда яду и сказала бы, что его отравили, это совершенно аналогичная ситуация».

Это было поразительно. Эксперт государственного вуза просто выдумала цитату, приписала её автору исследуемого текста и на этом основании сделала вывод о деструктивном характере всей организации. И этот подлог прошел бы незамеченным, если бы адвокаты буквально постранично не сличили текст экспертизы с оригиналом книги.

Максим закрыл ноутбук. Ему не хватало взгляда изнутри. Документы показывали результат работы машины, но не объясняли, как именно функционируют её внутренние шестеренки. Ему нужен был человек, который сам был частью этой системы, но по какой-то причине решил из неё выйти.

Такой человек нашелся через третьи руки. Марк Виленский. Бывший активист одной из крупных антикультовых структур, долгое время работавший в тесном контакте с экспертными центрами. После затяжного внутреннего конфликта с руководством он полностью разорвал связи с организацией и теперь жил замкнуто, избегая публичности.

Они договорились встретиться в Сокольниках.

День выдался сырым и ветреным. Мелкий, назойливый дождь превращал опавшую листву на аллеях парка в скользкую бурю массу. Максим шел по направлению к небольшому, полупустому кафе на окраине парковой зоны. Вокруг не было случайных прохожих, только редкие владельцы собак, спешащие укрыть питомцев от непогоды.

Кафе встретило его запахом дешевого кофе. За угловым столиком у окна сидел мужчина в неприметной серой куртке. На вид ему было около тридцати пяти лет. Бледное лицо, глубокие тени под глазами и нервные, постоянно двигающиеся пальцы, которыми он крутил нераспечатанный пакетик сахара. Это был Марк Виленский.

Максим подошел, поздоровался и сел напротив. Марк вздрогнул, бросил быстрый взгляд на дверь, а затем внимательно посмотрел на журналиста.

— Спасибо, что пришли, Марк, — тихо сказал Максим, снимая мокрую куртку.

— Я пришел только потому, что видел ваши сюжеты, — так же тихо ответил Виленский. Голос его слегка дрожал. — Вы один из немногих, кто пытается копать глубже заголовков. Но вы должны понимать: то, во что вы лезете, гораздо грязнее, чем обычная коррупция.

— Я это уже понял, анализируя экспертизы Осиповой, — Максим достал из рюкзака блокнот. — Там сплошные методологические нарушения, выдуманные термины и прямые подлоги. Как такие документы вообще проходят через суды?

Марк горько усмехнулся и наконец оставил в покое пакетик сахара.

— Суды верят печатям, Максим. А печати ставят люди, которые точно знают, чего от них ждут. Вы думаете, Осипова или её коллеги сидят неделями над книгами? Нет. Им приносят готовый обвинительный каркас. Их задача — облечь его в научнообразную форму. Но самое страшное даже не в фальшивых терминах. Самое страшное — это то, как создается фактура для этих экспертиз.

— Что вы имеете в виду? — Максим подался вперед.

— Практику создания «фейковых жертв», — Марк посмотрел в окно, словно собираясь с мыслями. — Понимаете, суду и медиа нужна живая эмоция. Нужен плачущий человек, который скажет: «Они разрушили мою жизнь». Но реальные люди, уходящие из любых организаций — будь то саентологи, кришнаиты или йоги — в абсолютном большинстве уходят тихо. Они просто живут дальше. Есть статистика, её проводили независимые социологи. Он исследовал бывших членов различных движений и выяснил, что лишь около десяти процентов из тех, кто покинул группы, становятся активными противниками — апостатами. Остальные семьдесят-восемьдесят процентов — это просто ушедшие люди, у которых нет никаких претензий.

Марк сделал глоток принесенного официантом чая и продолжил:

— Но десяти процентов мало для создания общественной паники. И тогда антикультулисты начинают работать с этими людьми. Их находят, когда они находятся в уязвимом психологическом состоянии — после развода, потери работы или личного кризиса. Им внушают, что все их жизненные неудачи — это результат «деструктивного влияния культа». Их буквально обрабатывают, переписывая их личную память. Человек начинает искренне верить, что его зомбировали, хотя еще год назад он просто посещал лекции и был вполне счастлив.

— А если таких людей нет? — спросил Максим.

— Тогда их создают искусственно, — жестко ответил Марк. — Нанимают актеров или используют людей, которые находятся в полной финансовой или психологической зависимости от антикультурного центра. Им пишут тексты выступлений. Я сам видел эти методички. Там расписано все: когда нужно сделать паузу, когда заплакать, какие именно слова использовать. «Разрушение семьи», «потеря контроля над разумом» — эти фразы вбиваются в подсознание свидетелей. И когда такой «пострадавший» выходит на трибуну в суде или под софиты в телестудии, его показания ложатся в основу экспертизы Осиповой. Она пишет: «На основании анализа показаний потерпевшего А. подтверждается факт систематического психологического насилия». Фальшивый свидетель подтверждает фальшивую теорию эксперта, а эксперт легализует ложь свидетеля.

Максим быстро записывал слова Виленского. Перед ним открывалась бездна системного цинизма.

— Но зачем это государству? — спросил он. — Зачем тратить бюджетные деньги на содержание этих экспертных центров, на организацию этих процессов?

— Это идеальный инструмент контроля, — Марк посмотрел Максиму прямо в глаза. — Под предлогом борьбы с «сектами» можно закрыть абсолютно любое объединение граждан. Сегодня это саентологи, завтра — экологический фонд, послезавтра — независимый профсоюз. Достаточно заявить, что организация использует «скрытые методы психологического воздействия» и угрожает «национальной безопасности». И все. Общество само потребует их закрытия, потому что его уже запугали через телевизор. Это технология юридического террора. Она позволяет обходить Конституцию и законы без лишнего шума.

Марк замолчал, его взгляд снова стал тревожным. Он вытащил из кармана куртки небольшую флеш-карту и положил её на стол, прикрыв ладонью.

— Здесь несколько внутренних документов, — тихо сказал он. — Черновики экспертиз Осиповой с её личными правками. Там видно, как она убирает из текстов любые упоминания о научных исследованиях, которые противоречат её выводам. И переписка по поводу подбора «свидетелей» для процесса над саентологами. Посмотрите на даты. Свидетелей начали готовить за полгода до того, как было официально возбуждено уголовное дело.

Максим протянул руку и забрал флешку. Металл был холодным.

— Почему вы решили уйти, Марк? — спросил он, пряча накопитель в карман.

Виленский тяжело вздохнул и посмотрел на свои руки.

— Я верил, что мы спасаем людей. Искренне верил. А потом я увидел, как работает эта машина изнутри. Они не спасают. Они уничтожают любого, кто пытается проявить хоть каплю самостоятельности. Вы слышали про Олега Заева?

Максим кивнул:

— Да, читал в архивах. Он долгое время работал в структурах РАЦИРС.

— Он проработал на них двадцать пять лет, — Марк выделил голосом цифру. — Двадцать пять лет фабриковал экспертные заключения, отправлял людей в тюрьмы по указке сверху. При этом у него самого даже не было профильного образования — он обычный инженер, окончил Новосибирский электротехнический институт. Но пока он был послушен, его называли «ведущим экспертом». А потом он совершил ошибку — высказал собственное мнение, не согласованное с руководством. И его мгновенно выбросили на улицу. Его бывшие коллеги начали распространять про него гнусные слухи, писать письма в организации, где он читал лекции, клеймить как «фальшивого эксперта». С ним поступили точно так же, как он сам поступал с другими четверть века. Он на себе почувствовал всю эту систему дегуманизации. Когда я это увидел, я понял: там нет никакой веры, никакого спасения. Там есть только власть, деньги и страх. И если ты не согласен быть винтиком — тебя перемелют.

Марк поднялся со стула, застегивая куртку под самый подбородок.

— Мне пора, Максим. Не ищите меня больше. Все, что я мог рассказать, есть на этой флешке. И будьте осторожны. Они не любят, когда кто-то пытается заглянуть за кулисы их театра.

Он повернулся и быстро пошел к выходу из кафе. Дверной колокольчик уныло звякнул, впустив в помещение струю холодного воздуха.

Максим остался один. Он смотрел на чашку с недопитым чаем, в которой медленно остывала темная жидкость. В его кармане лежала флешка с доказательствами того, что вся кампания против саентологов — это не случайный всплеск общественного недовольства, а тщательно спланированная, технологичная спецоперация, в которой эксперты, медиа и государственные структуры действовали как единый, слаженный организм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.